

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОВЕСТИ ПУШКИНА

Оригинал здесь: [О стихах и о поэтах](#).

Для тех, кто умеет читать и любить Пушкина, "петербургские" повести его сами собой слагаются в замкнутый, неразрывный цикл. "Домик в Коломне", "Медный Всадник" и "Пиковая Дама" составляют этот магический круг, в который поэт вводит нас силой таинственного своего гения. Мы переступаем черту и оказываемся замкнутыми в необычайном, доселе неведомом мире, которого законы совершенно своеобразны, но непреложны, как законы нашего повседневного мира.

Казалось бы, самая атмосфера, в которой протекают замысловатые, но немного нелепые события "Домика в Коломне", бесконечно чужда хаотическим видениям "Медного Всадника" или сумрачным страстям "Пиковой Дамы". Все просто и обыденно в "Домике в Коломне", все призрачно и опасно в "Медном Всаднике", все напряженно и страстно в "Пиковой Даме". Но что-то есть общее между ними. Мы смутно чувствуем это общее -- и не умеем назвать его. Мы прибегаем к рискованному способу: образами говорим об образах, но тем лишь затемняем их изначальный смысл. Мы говорим о "петербургском воздухе", о дымке, нависшей над "топкими берегами", -- и в конце концов сами отлично знаем, что разрешение загадки не здесь. Во всяком случае -- не только здесь.

В самом деле: ведь нельзя же признать, что все три повести так неразрывно связаны в нашем сознании только потому, что местом их действия является Петербург. Если власть его, как "простертая рука" Петра, ощущается над всеми действующими лицами "Медного Всадника", то уже в применении к "Дому в Коломне" нельзя говорить о том же без крайней натяжки. Что же касается "Пиковой Дамы", то в ней Петербург как таковой не играет никакой роли. И однако, мы чувствуем, что все три повести внутренне чем-то связаны.

И не личность Петра, не проблема "петербургского периода" русской истории составляет эту связь. Как бы ни были интересны, многозначительны и подчас глубоки известные нам толкования "Медного Всадника" -- ни одно из них не в силах раскрыть прямую связь этой повести с "Домиком в Коломне" и "Пиковой Дамой". Ни одно из этих толкований не простирается за пределы "Медного Всадника", не перебрасывает моста к другим, тоже петербургским повестям Пушкина. Приходится воспользоваться старым сравнением, но мы действительно угадываем эту связь, еще не видя ее, как астрономы умеют угадывать существование звезды, еще недоступной их оптическим инструментам.

До очень недавних дней нельзя было надеяться, что тайна может получить разрешение, сколько-нибудь прочно обоснованное. Вряд ли в истории русской литературы есть еще хоть одна область, столь же хорошо разработанная, как изучение Пушкина, и, однако, ни одна гипотеза, которая попыталась бы вскрыть прямое взаимоотношение "Домика в Коломне", "Медного Всадника" и "Пиковой Дамы", не могла опереться ни на какие документальные данные. Лишь и самом конце 1912 года сделано было открытие, может быть не до конца оцененное даже теми, кто его сделал.

В газете "День", в NN от 22, 23 и 24 декабря 1912 года, П. Е. Щеголевым, а также в январской книжке журнала "Северные Записки" за 1913 год -- Н.О. Лернером была напечатана повесть, впервые появившаяся и альманахе "Северные Цветы" на 1829 год за подписью Тита Космокротова.

Она называется "Уединенный домик на Васильевском". История ее, с несомненностью доказанная обоими названными исследователями, в общих чертах такова. Однажды вечером, в 1829 году, у Карамзиных, Пушкин рассказал описанную в "Уединенном домике" повесть небольшому кружку слушателей. В числе их находился молодой литератор В. П. Титов. Повесть произвела на него впечатление, и он, придя домой, записал ее. Затем отнес Пушкину, тот просмотрел запись -- и в результате повесть была напечатана в редакции Титова, но с пушкинскими поправками в "Северных Цветах".

О том, что "некто Титов" записал со слов Пушкина "сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров", -- рассказала в записках своих еще А. П. Керн. Однако вместо "Северных Цветов", в которых был напечатан рассказ, она ошибочно назвала альманах "Подснежник". Позднее ошибка ее была исправлена, но только в 1912 году, с выходом книги бар. А. И. Дельвига "Мои воспоминания", стало возможно с уверенностью приписывать замысел "Уединенного домика" Пушкину. В воспоминаниях бар. А. И. Дельвига помещено письмо самого Титова, излагающее историю повести. Пятьдесят лет спустя после того, как "Уединенный домик" был напечатан, Титов (он же Тит Космокротов) рассказывает:

"В строгом историческом смысле это вовсе не продукт Космокротова, а Александра Сергеевича